

— Значить, я твой должникъ?

Она объявила: — Да нѣтъ же, mon chat, это до тебя не касается, я хочу принять на себя этотъ безразсудный расходъ.

Онъ прикинулся разсерженнымъ.

— Да, нѣтъ же, я ни за что этого не позволю.

Она стала умолять его, положивъ ему руки на плечи: — Пожалуйста, Жоржъ, мнѣ такъ будетъ пріятно, что наше гнѣздышко мое, и ничье больше. Развѣ это можетъ быть тебѣ непріятно? Въ какомъ отношеніи? Согласись, милый Жоржъ, пожалуйста, согласись...

Онъ долго заставилъ себя просить и наконецъ уступилъ, нѣходя въ душѣ, что это справедливо.

Когда она ушла, онъ пробормоталъ, потирая руки и не желая доканиваться, что именно внушаетъ ему это мнѣніе: — А она очень, право, мила.

Нѣсколько дней спустя, онъ получилъ другую телеграмму, въ которой было сказано: „Мой мужъ пріѣзжаетъ сегодня послѣ шестинедѣльнаго инспекторскаго смотра. Слѣдовательно, прощай на цѣлую недѣлю, такъ какъ теперь должна возобновиться прерванная комедія супружескаго счастья. Какая скука, мой милый. — Твоя Кло“.

Дюруа былъ пораженъ. Онъ совсѣмъ позабылъ, что она замужемъ.

Вотъ человѣкъ, на котораго ему хотѣлось бы взглянуть разокъ, чтобы видѣть, какая у него рожа.

Онъ терпѣливо ждалъ отъѣзда супруга, но провелъ два вечера въ Folies-Bergères, окончивъ ихъ у Рашель.

Потомъ въ одно прекрасное утро пришла опять телеграмма, гдѣ стояло только четыре слова:

„Сегодня, пять часовъ. Кло“.

Они оба опередили назначенный часъ и она бросилась ему на шею и покрыла его лицо страстными поцѣлуями, потомъ сказала: — Знаешь, когда мы наговоримся всласть, ты сведи меня обѣдать куда-нибудь въ ресторанъ. Сегодня я свободна.

Дѣло было какъ-разъ въ началѣ мѣсяца и хотя онъ давно уже забралъ все жалованье впередъ и жилъ только тѣмъ, что перехватывалъ направо и налево, но случайно у него были деньги въ карманѣ и онъ обрадовался случаю раскошелиться для нея.

Онъ отвѣчалъ: — Разумѣется, душа моя, куда хочешь.

Они отправились около семи часовъ и дошли до наружнаго бульвара.

Она сильно опиралась на его руку и шептала ему на ухо: